

- [Галина Щербакова](#)
 - [Вечер был...](#)
 - [notes](#)
-

Галина Щербакова

Вечер был...

Зои Синцовой в троллейбусе вытащили кошелек с Кинулась она на остановке, побежала за троллейбусом, но поскользнулась, упала. Чулок, конечно, пополз, ногу саднило, и Зоя подумала, что, если б сейчас на нее что-нибудь наехало большое и сразу, ей-богу, это был бы выход. Но ничего не наехало, и Зоя, хромая, перебралась на тротуар. Потом открыла сумочку еще раз, рукой, без перчатки, полезла в глубину, ощупывая привычные вещи: выщербленное на углу зеркальце, пластмассовую пудреницу, щетку для волос, тюбик помады. Помада оказалась открытой, Зоя выпачкала пальцы и тут же, зло, с отчаянием, стала вытирать их о подкладку сумочки. «Какая разница,— твердила она,— какая разница».

Кошелек не было. Из всех несчастий, которые могли сейчас обрушиться на Зою, это казалось ей самым страшным. Вместе с получкой лежали деньги из «черной кассы», в которой Зоя состояла и куда каждый месяц вносила десятку. Она упростила уступить ей на этот раз, потому что не было другой возможности расплатиться с самыми нетерпеливыми долгами.

Что делать теперь, Зоя не знала. Она чувствовала, как вся вспотела, отчего лифчик стал сразу душным и тесным. Зоя старалась хорошо, полно вздохнуть и не могла. Поэтому дышать приходилось часто и мелко, и от этого сердце, царапаясь, подымалось прямо к горлу, ближе к воздуху. И снова Зоя подумала, что, остановись оно сейчас, это проклятое сердце, тоже было бы лучше. Дети? Дети?.. Что от нее дети имеют? Видит она их два часа в сутки — час утром и час вечером. Им садик дом родной. Так бы все было и без нее...

Зоя шла тяжело, медленно, не глядя под ноги, по привычке попадая на деревянные дощечки, брошенные там и сям по дороге. Вокруг Зоино дома шло строительство, была непролазная грязь, и дощечки были брошены сердобольным прорабом, который жалел людей, да и сам жил в Зоинем доме. Вокруг девятиэтажной стройки горели прожекторы, работала третья смена. Зоя слышала голоса рабочих, видела, как на втором этаже две женщины оклеивали комнату обоями. Третья сидела на подоконнике, повернувшись к Зое ссутулившейся спиной. Те, что клеили, смеялись, что-то рассказывая

друг другу, потом одна из них попросила о чем-то ту, что сидела на окне, та встала, взяла в руки рулон обоев, а женщина с освобожденными руками стала кого-то передразнивать. Она кругло разводила руками, потом протягивала их вперед, топорщила плечи, а женщины хохотали так, что одна, наверное, даже на пол села, потому что Зоя перестала ее видеть.

Зое очень хотелось подняться к ним и спросить, сколько они зарабатывают, потому что последнее время она часто думала о том, что надо найти другую работу, где платят лучше. А сейчас узнать это было просто необходимо.

Зоя посмотрела на освещенное окно на втором этаже и решительно шагнула прямо в слегка застывшую от первого мороза грязь – прорабские дощечки к стройке не вели. Вход был с другой стороны. Зоя приготовила первую фразу, с которой она обратится к женщинам. Поправила шерстяной косячок на голове и попробовала ее произнести.

Лучше б она этого не делала. Стоило ей сказать слово, и потекли такие соленые и обильные слезы, что Зоя даже задохнулась. Куда там идти? Она смазывала их ладонью со щек, но это было пустое дело. Слезам конца не виделось. Надо было как-то переждать здесь, где не ходят люди, не показываться же вот такой зареванной? Зоя села на сваянные концы косячка, расстегнула верхнюю пуговицу пальто, и слезы тут же высохли. «Вот так у меня всегда, – горько подумала она, – когда не надо, слезы бегут, а села поплакать – не плачется. Все наоборот». Но и встать сил не было. Было тихо, темно, лишь время от времени что-то звякало на стройке, да кто-нибудь, идя Зоиной дорогой, не находил ногой дощечку и поругивался.

* * *

Зоя после школы в институт не попала: не хватило трех баллов. Особенно сокрушаться было неловко, у многих не хватило всего одного балла: им было обидней. Мать Зои решила так: дочь конкурса не выдержит и на будущий год. Есть единственный для нее путь – накапливать стаж. Будет два года – тогда можно сдать кое-как. У производственников льготы. Она устроила Зою на курсы машинописи

– сама мать тоже была машинисткой,– а потом нашла ей и работу, чтоб не очень сложная и в интеллигентном кругу. Так Зоя попала в машинописное бюро одного треста. Работа Зое не нравилась, но это была работа «на время» и «для стажа». Многие ее подружки работали кое-где. Та, что не попала в артистки, служила, например, регистраторшей в поликлинике. Та, что не прошла в геологоразведочный, пошла на курсы продавцов. Да мало ли куда приткнулись девчонки? Все «зарабатывали стаж», через два года собирались повторить попытку.

Зоя не поступила и через два года. Села готовиться и увидела – ничего не помнит. Ведь была же неплохой ученицей, шла в основном на четверки, а через два года уже ничего не знала. Учебники открыла и – как в пер-ый раз. Что-то очень смутно помнилось, но больше чепуха всякая. Вот, например, когда образ Ноздрева проходили, у учительницы Людмилы Артемовны стоял на столе букет сирени, а она сама была в бледно-розовом платье. Сирень на розовом – это было красиво и почему-то очень взволновало Зою. Помнила, что однажды на истории получила пятерку. И историк Павел Николаевич шуточно ей поаплодировал.

Ничего не помнила Зоя из этой прекрасно рассказанной тогда темы. Помнит чушь: когда села за парту, гордая и счастливая, забыла перебросить вперед косы. И уж тут-то ее сосед сзади порезвился вовсю. Прикнутил косы к своей парте, навтыкал в них все, что у него было: скрепки, колпачки от авторучек, значки. А она, дура, переживая свой успех, ничего не заметила.

С памятью вообще что-то происходило непонятное. До чернильного чертика виделись и наизусть вспоминались какие-нибудь страницы, а потом ни одного слова... Зоя поняла, что на экзамене провалится, испугалась, засуетилась. Стала пить по совету подружки, что работала регистраторшей в поликлинике, какие-то таблетки от сна, голова от них была пустой и легкой. Трель – зазвенит. Зоя читала по параграфам, потом по страницам, по абзацам и видела, как остается такой же легкой и незамутненной ее память. На первом же экзамене – Зоя получила двойку.

Мать повела Зою к врачу. Зое прописали уколы и посоветовали поменять профессию. Оказывается, так на память могли повлиять постоянные цифры и сводки, которые Зоя печатала. Ей, дескать, нужна

более живая, эмоциональная работа. Мать почему-то на это обиделась. Что ж она, своей дочери хуже хотела сделать? Она, мать, сама машинистка, уже двадцать пять лет стучит, писчий спазм заработала, а что ни прочтет – помнит. И она рассказывала стихотворение, которое слышала, когда ей было четыре года, от бабушки.

Вечер был, сверкали звезды,
На дворе мороз трещал.
Шел по улице малютка,
Посинел и весь дрожал.
Шла дорогой той старушка
И встретила сироту.
Приютила и согрела. И поесть дала ему.
Положила спать в постельку,
Как тепло! – промолвил он..
Закрыв глаза. Улыбнулся
И заснул спокойным сном.

Короче, осталась Зоя на прежней работе. Неудачу свою скрывала, говорила, что никуда не поступала, передумала, будет пробовать на следующий год. Но сама знала, что на следующий год уже не решится. И тут ее стали сватать. Материна старая приятельница привела к ним в дом своего племянника, который пришел из армии. Был он парень скромный, вежливый, работал электриком в жэке. Имел комнату. И Зоя вдруг решила, что, если выйдет замуж, никто уже не будет задавать ей вопросы об институте, от которых она всегда приходила в смятение. Станет она женой, перейдет в иную категорию, где другая жизнь и вопросы задают другие. Слышала Зоя, о чем говорили девчонки, которые уже вышли замуж. «Купила я мужу нейлоновую рубашку, ее нужно гладить?», «А ты не знаешь, мужские носки с двух сторон стираются или с одной?», «По-моему, два антрекота по 37 копеек лучше, чем десять котлет за 60»... Зоя с интересом слушала эти разговоры. Они волновали ее так же непонятно, как когда-то сиреневый букет и розовое платье учительницы. А Виктор был вполне хорошим парнем. Он поступил в вечерний техникум, собирался в институт, убеждал и Зою учиться дальше! Зоя решилась и ему первому рассказала, как забыла все за два года, какой освобожденно пустой

стала ее голова. Сказала ему и о том, что, может, виновата во всем ее профессия, уж больно она нудная...

Тогда они и решили. Поженятся, устроятся, и бросит Зоя свою работу. Сядет за книжки и будет готовиться. Конечно же хотеть быть учителем литературы и без конца печатать цифирьные ведомости... «Это исключает друг друга, – твердо сказал Виктор. – Врач прав».

А потом была свадьба. Машина с желтыми обручами на дверцах, переезд в комнату Виктора. Соседями у него были молодожены Тамара и Алеша. Они их посыпали в коридоре перловой крупой, Тамара так хохотала, что у нее лопнула застежка на пояске. Они стали смеяться еще сильнее, обессиленные от смеха, уселись на пол в прихожей, прямо на крупу. Она покалывала, набивалась в чулки, туфли. Тамара и Зоя убежали в ванну вытряхиваться. Бросали зернышки прямо в раковину. Те мелко и весело постукивали. А когда Зоя и ее новая подруга вернулись, их мужья перловкой выложили на полу: «Женам – ура!»

Сразу после замужества уйти с работы было неудобно. Машинописное бюро, сложившись, купило Зое на свадьбу трехрожковую люстру. Поэтому молодые решили чуть подождать: пусть пройдет время. Все было распланировано и учтено, кроме того, что Зоя забеременеет сразу. Обрадовалась она невероятно, тем более что и соседка Тамара ходила тогда на пятом месяце. Будущие мамы пошептались и договорились: коляску купят в складчину, а Тамара, поскольку родит первой, будет пользоваться аккуратно. С работы теперь уходить не было никакого смысла – хотелось получить декретные. Так родился Вовка. Они пицали вместе с Тамариной Иришкой, уделывая несчетное количество пеленок. В их квартире густо пахло маленькими детьми, и это был лучший запах на свете.

Зоя почти год сидела с сыном, на работу не тянуло, приносил ей Виктор из библиотеки книги, читала, когда варила кашу. А когда Вовке исполнилось одиннадцать месяцев, узнала, что будет у нее второй ребенок. Побежала к Тамаре. Та ходила хмурая, что-то стали они не ладить с Алешей, совет Тамары был категоричным: «Избавляйся, пока не поздно».

А Виктор возмутился. Убеждал, что сразу лучше отделаться, и тогда в 25 и дети будут совсем большими, и ни для чего еще не будет поздно. Можно будет и в институт, и хоть куда. Какой это возраст – 25

лет? Чтоб больше заработать – детей-то будет двое – решил Виктор перейти на завод, там и прогрессивка, и путевки. Уволился из жэка, когда родился Максим. Первые две недели помогал Зое справляться с сыновьями, а потом стал оформляться на завод, где уже заранее договорился. Процедура была длинной, потому что завод был секретный, и Виктор нет-нет да и брал какую-нибудь подвернувшуюся работу – то кому антенну для телевизора подключит, то холодильник починит, то совсем уж просто – розетки поменяет. Они как-то смеясь подсчитали, что, если так ходить по квартирам, можно совсем не работать. Хватит и даже будет больше. Но тут же сами себя осудили, потому что брать деньги из рук в руки Виктор стеснялся, а Зое такие полтинники, рубли, трешки казались очень инфекционными. Как-то вечером погас свет в соседнем доме, как раз передавали футбол. Мужчины кинулись от телевизоров и пива в подвал, дергали рубильники, что-то там ковыряли, ничего не нашли и послали за Виктором. Он пошел раздетый – минутное дело, – прошел через жаркую толпу болельщиков, которые дышали ему в затылок – давай, давай, парень, скорей: наших бьют! – шел сквозь них и смеялся: «Эх вы, мужики! Сколько вас здесь, а свет починить не можете». Он хотел им, разгоряченным и нетерпеливым, показать, как это просто и быстро делается, чиркнул спичкой, разглядывал что-то там, пока не сжег пальцы, и ему показалось, что все понял. Когда он схватился за рубильник и, как-то странно вздрогнув, повалился в сторону, все думали, что он дурит. Ведь почти все хватали рубильник, больше того – отверткой (правда, с деревянной ручкой) тыкали в переплетенные проводки, и ведь ничего! Потом выяснили, что когда тыкали, то, может, и нарушили изоляцию, а может, она была нарушена раньше – и это Виктора счастье такое? Потом звонок в дверь, упала бутылочка с молоком, белая лужица потекла под Тамарину дверь: «Ты погоди, я сейчас вытру!» Они стоят, а она тряпкой елозит по полу у их ног, а молоко сладкое, жирное... «Сейчас я водичкой...» И крик Тамары: «А-а-а!» – «Ты чего кричишь, я ведь все вытерла...» С тех пор время от времени Зоя слышит это «А-а-а!». Крик вдавливается в уши, от него лопаются перепонки, разливается, расплзается в глазах белое, сладкое молоко. «Не думать об этом. Не думать! Не думать!» Все удивлялись, что Зоя никогда и ни с кем не говорила о Викторе. А разговоров на тему: «Ну, значит, он пошел в подвал, а ты его ждешь... И как тебе

потом сказали?» – не вела ни с кем. На нее даже обижались. Рассказала бы людям, полегчало. А она молчала. В два месяца отдала Максима в ясли и вернулась в машбюро. Положила на стул подшивку газеты «Труд» за 1962 год, присела, примерилась, на подшивку положила шерстяную вязаную тряпочку, наклонилась над машинкой и застучала. Все в бюро знали, что за мужа Зоя получать ничего не будет, так как погиб он, нигде не работая, Стали подсовывать Зое разные перепечатки, чтоб больше у нее выходило. Но Зоя вроде и не очень охотно на это шла. Делала как одолжение. Как-то старшая в бюро сказала ей об этом, дескать, люди от Зои заслужили большего спасибо. Могла бы его и произнести, не ахти какая барыня. Зоя долго не понимала, что от нее хочет старшая, о каких спасибо идет речь и за что? А когда поняла, совсем перестала брать всякую дополнительную работу. Все возмутились и удивились, как же она хочет прожить на одну зарплату с двумя детишками? И никто не догадывался, что Зоя первый год после смерти Виктора почти не тратила на еду деньги. Дети в яслях, там их кормят, слава богу, не болеют. А что ей самой надо? Стакан крепкого чая с сухарем, и все. На остальное смотреть противно. Приходила мать, варила куриные бульоны. Так и стояли они, пока не покрывались белесой плесенью.

Приходила тетка Виктора, приносила консервы, варенье, пакетные супы. Она оказалась более дальновидной. Складывала все это Зоя в шифоньер, пока однажды не выручили ее теткнины подарки.

Это случилось, когда сразу оба мальчишки заболели. Села Зоя на бюллетень, и тут уж все из шифоньера пошло в дело. Может, случись это раньше, раньше и Зоя ожила бы. И не было бы у нее напряженной обстановки на работе, потому что машбюро так и не могло Зое простить «ее гонор». Чего кичится, чего ломается? Ей ли хвост держать пистолетом? Только машинистка Ольга урезонивала всех, когда Зоя куда-нибудь выходила: «Да что вы, бабоньки! Отойдет она, отойдет!» Но женщины с ней не соглашались. Были убеждены: она давно отошла, просто неизвестно что о себе думает.

Заболевшие мальчишки вернули Зое аппетит. Странно, все не хотелось, не хотелось, от запаха еды тошнило, а то стала как-то им готовить и вдруг почувствовала, как проголодалась. Тамара вошла в кухню и видит: сидит на низкой табуреточке Зойка, левой рукой макает

в солонку фиолетовую луковицу, в правой держит батон, слезы по щекам льются, а ест с таким наслаждением.

– Ой, Зойка! Горько же! – сказала Тамара.

Зоя замотала головой и засмеялась. Тамара увидела, как побежали по щекам и густо, густо от углов глаз Зои морщинки. «Лицо-то как печеное яблоко, в ее-то годы! – сокрушенно подумала Тамара. Она была старше Зои на пять лет. И со злостью, уже о себе, подумала: – От них, паразитов, и от живых, и от мертвых одни неприятности». Мужа Тамара перед этим выставила. И как-то сказала Зое, что оно, мол, легче, когда похоронишь. А когда живой, а ты его ненавидишь и смерти ему желаешь – это похуже. «Господь с тобой, – сказала Зоя. – Говоришь, не знаешь что...»

– Знаю, – твердо ответила Тамара.

* * *

Олег Быков кончил работу и теперь мыл руки. Он старательно намыливал ладонь и пальцы, розовым кусочком мыла проводил по твердым желтоватым ногтям, подставляя потом ладони под самую горячую струю, Быков всегда после работы мыл руки. Он подымался для этого на самый верхний этаж, где в туалете всегда было мыло и чистое полотенце. Потом он садился на подоконник и, старательно вытираясь, смотрел вниз. Он видел, как, уходя, поддерживают большую тяжелую дверь люди. Они протягивали вперед руки, и дверь мягко торкалась о них. Руки менялись быстро, и дверь чуть подрагивала, перескакивая с одной протянутой руки на другую. Он ждал, когда, не найдя преграды, дверь освобожденно хлопнет, и это будет слышно здесь, на восьмом этаже. И потом она будет еще часто хлопать, потому что сразу уходили не все.

После толпы, которая приступом брала лифт ровно в шесть десять, потом еще долго уходили одиночки. Они шли по одному, и дверь открывалась для каждого персонально. Потом все затихало минут на тридцать, а Быков все сидел, курил и смотрел вниз. Уже стучали ведрами уборщицы, но он знал, что сюда, в мужской туалет, они придут в самую последнюю очередь. Знал он, что уборщицы

поторопят самых последних, припозднившихся работников – машинисток, которым надо что-то срочно перепечатать.

Когда они поженились с Ольгой, он ей категорически запретил брать дополнительную работу. Ольга тогда посопротивлялась, но он видел: довольна. А то ведь стучала, бедная, день и ночь, чтоб на лишний капрон заработать.

Быков встал, посмотрел на себя в зеркало, в левую сторону расчесал волосы и не торопясь пошел к лифту. Он спускался один, если бы кто-то еще стоял на площадке, он бы все равно не сел. Быков не любил ездить с кем-то в тесном лифте. Даже если был всего один человек, ему было неприятно. Возникла какая-то неестественная, нежелательная близость, которая смущала его и раздражала. Если он ехал без дела, то он и трамваи и троллейбусы предпочитал пустые. Людскую тесноту Быков не любил. Как не любил и пьяное праздничное застолье. Особенно было неприятно, когда накануне праздника устраивали сабантуй прямо на работе. ТО бегал за колбасой, кто-то приносил стаканы, разбавлялся дрожащими руками спирт – чтоб не дай бог не перелить лишней воды и продукт не испортить. И все потом лезли друг к другу с разговорами, как правило, идиотскими, и Быкову было брезгливо. Быкова за это не любили и побаивались, и ему это было приятно. Он нарочно выпьет двадцать граммов, но уже морщится, морщится, видя, как портит всем удовольствие своим скореженным видом. Знал Быков, что есть у него и защитники, из профкома. Они его ставили в пример, объясняя его некомпанейность тем, что он копит на машину. А тут уж, мол, приходится выбирать – или колеса, или бутылочка.

Олег Быков работал слесарем в институте мебели. Работал пять лет и не переставал удивляться: чем только люди не занимаются? Здание какое отгрохали, кабинеты все сплошь к солнцу повернули, а все для чего? Чтоб легче стулья придумывались! Работник Быков был хороший, в профсоюзе отвечал за уплату досаафовских взносов, охотно оставался, если просили, после работы и в субботу или воскресенье мог прийти. И тем не менее учреждение свое презирал. Не видел он в нем смысла. На диван груз кладут, ждут, что будет. Умно? Он, конечно, мог уйти, ничего его тут не привязывало. Он налево ни для кого ничего не делал. Спиртом, который им выдавали, не баловался, так что, кроме зарплаты, у него интересов тут не было.

Но Быков газеты читал и видел, что к тем, кто с места на место бегают, отношение неважноецкое. А зачем ему это?

Быков вышел на улицу. Слегка подмораживало. Он не торопясь закурил, подумал. Потом медленно пошел к троллейбусной остановке. Машины шли переполненные, конец дня. Но сейчас это Быкова не смущало.

* * *

Зоя поднялась с досок. Сколько ни сиди, деньги будут нужны уже сегодня – отдать Тамаре.

Мысль о том, чтоб все рассказать соседке, даже не приходила ей в голову. Ну, расскажет, а дальше? Разве такой разговор не будет подразумевать: «Ах, Тamarочка! Не отдам я тебе долг сейчас. погоди уж...» И Тамара ее будет жалеть. И предложит ей до зарплаты половину того, что есть у самой. И будет ходить тяжелая, угрюмая, не из-за денег, их нет и нет, а оттого, что все в жизни кувырком, где тонко, там уж и рвется, и зло, матерно станет ругаться.

Нет, говорить Тамаре нельзя. И матери нельзя. И тетке Виктора тоже. Будут смотреть виноватыми глазами и от виноватости этой на нее же будут сердиться.

– Ну почему у других не крадут? Ну как же так, Зоя? О чем ты думаешь, когда едешь? У тебя так голову когда-нибудь снимут...

Нет уж! Выбирайся-ка из беды, Зоя Батьковна, одна! Собственными силами.

Когда Зоя стала перепрыгивать с дощечки на дощечку, она уже знала, что есть у нее одна возможность выкрутиться – это кое-что продать. Прежде всего, мохеровый шарф, который ей летом подарила мать. Прекрасный теплый, ласковый шарф, голубой в серую клетку. Его и с пальто носить красиво, и на плечи просто положить... Вот и предложит она его Тамаре за 30 рублей, за долг. Правда, надо будет что-то придумать для матери... После смерти Виктора она совсем сдала, писчий спазм не давал покоя, немели, скрючивались пальцы, а до пенсии было еще три года.

Еще можно было, прикидывала Зоя, продать туфли. Рублей за 20. И хочешь – не хочешь – плащ. У Зои не было зимнего пальто. Зимой

она носила осеннее драповое, поддевая под него толстую вязаную кофту. До этого года была у Зои болонья, которая заменяла ей осеннее пальто. Но она вся в конец порвалась. Сшила из нее Зоя три сумочки. Две отдала ребятишкам для обуви в сад, а с третьей ходила в магазин за картошкой. Поэтому пришлось ей недавно купить плащ. Хорошенький. Немецкий плащ с золотыми пуговичками. Так ни разу и не надела. Значит, надо будет с ним распрощаться. Если все это продать, она, конечно, сейчас перекрутится.

И оттого что был найден хоть какой-то выход, Зоя вздохнула наконец полно.

Поднимаясь на свой пятый этаж, она думала уже о другом, как предложить шарф Тамаре, чтоб выглядело это не как мольба о спасении, а как вполне пристойное предложение, выгодное обеим.

Мальчишки катались на велосипеде в коридоре. Вовка сидел за рулем, а Максим стоял на запятках.

– Деньги получила? – первым делом спросил Вовка.

– Ура! – закричал Максим.

Зоя молча раздевалась и спиной чувствовала, как смотрит из кухни на нее Тамара. Ей в одном легче: питание почти ничего не стоит, потому что работает она воспитательницей в детском саду. И опять же – ребенок у нее один. Тамара сейчас деньги копит на воротник. Ей из Сибири тетка обещала прислать хорошую шкурку. Недавно она получила от тетки письмо, что, мол, присылай деньги. Уже надо, чтобы они лежали, на случай, если что подходящее подвернется.

– Ты где это так чулок рванула? – спросила Тамара, когда Зоя прямо из прихожей вошла на кухню.

– Полетела на остановке, – смеясь, ответила Зоя. —> Меня из троллейбуса выдавили, как пасту из тюбика, Раз – и на землю.

– Молодец. Не могла, что ли, пустого подождать?

– В это время пустых нет. Разве ты не знаешь? – ответила она. И тут же, вроде вспомнив: —Ты мой голубой шарф помнишь? Ну тот, в клетку?

– Ты так говоришь, – насмешливо сказала Тамара, – будто у тебя их несколько. Помню, конечно... А что?

– Я решила его загнать, – как можно небрежней сказала Зоя. – Есть у меня другой вариант. Тьфу, тьфу, тьфу, – говорить не буду. Чтоб не сглазить!

– Такие сейчас и в магазине есть.

– Ну не такие,— забеспокоилась Зоя.— У меня из канадской шерсти. Там на нем знак стоит.

– В комиссионку понесешь? – лениво спросила Тамара,

– Да не знаю. Может, кто подвернется, чтоб не носить, время не тратить.

– А сколько ты за него хочешь?

– С тебя подешевле, с чужого подороже,— засмеялась Зоя. Слава богу, пошел разговор.

Тамара задумчиво мешала манную кашу, которую всегда ела по вечерам вместе с дочкой.

– Мне он ни к чему,— сказала она.— Это я просто так. Мне сейчас воротник важнее. Ты, кстати, деньги получила?

– Да ерунда у нас получилась. Кассир заболел и не предупредил. Все думали, он в банке, а он, паразит, на бюллетене. Завтра дадут. Потерпи, киса, денек.

– Ты меня подводишь,— сердито сказала Тамара.— Я завтра хотела переводить.

– Я тебе завтра принесу на работу,— с готовностью сказала Зоя.— Я же понимаю.— И шутливо добавила: – Вот даже шарф тебе предлагаю, а ты не хочешь, балда. А он ведь тебе лучше идет, чем мне. Голубой ведь не мой цвет. Он меня бледнит.

– Сообразила, слава богу. Я ведь тебе сразу это говорила. Он для яркой блондинки или уж жгучей брюнетки. А мы с тобой серенькие.

Тамара сняла эмалированный ковшик, в котором варила кашу, и, лениво подталкивая впереди себя громадные, оставшиеся от мужа комнатные туфли без задников, ушла в комнату. Она никогда не ела на кухне. Зоя ухватила за теплый, нагретый кашей край плитки. Противный липкий пот снова выступил на спине, под мышками, и сердце стало биться прерывисто и мелко, как тогда, на улице. С чего она взяла, что Тамара вцепится в ее шарф? И вся ее затея с распродажей показалась Зое невыполнимой и нелепой.

Мальчишки подрались и орали громко и обиженно. Зоя затолкала их в комнату, подумала, что прежде всего надо было бы их накормить. Достала из холодильника кусочек колбасы, что оставлен был ей на завтрашний завтрак, из городской булки сделала два бутерброда и сунула мальчишкам. Пока мальчишки старательно обгрызали

колбасные кружочки, Зоя достала из шифоньера плащ, сняла его с плечиков и тихо, стараясь уйти, чтоб не заметила Тамара, выскочила на лестничную площадку.

Прямо против их квартиры сверкала по-новому обитая, поблескивающая пуговичками-гвоздиками дверь.

– Не продам, не продам, не продам,– суеверно шептала Зоя, легонько нажимая кнопку звонка. Звонок вздохнул и пропел какую-то музыкальную фразу. Зоя старательно растянула губы в улыбке.

Римма Борисовна стирала в ванной. Стирка была несерьезной: чулки, Наташкины воротнички, в общем, мелочь, которую не отдашь в прачечную. Римма Борисовна была сторонницей освобождения женщин от домашних дел, номерки пришила даже к мужниным трусам, впрочем, в этом факте было не только идейное начало, было это лишним доказательством сложных отношений Риммы Борисовны с мужем. А отношения эти были не просто плохие – они были на грани. Она любила говорить на работе,– Римма Борисовна работала гинекологом: «Вы знаете, я на грани». И все всё понимали. Потому что считали такое состояние массовым. Женская консультация как учреждение способствовала такому пессимистическому взгляду на мир у коллег Риммы Борисовны.

– А у вас есть варианты? – спрашивали иногда ее.

Римма Борисовна любила этот вопрос. Он придавал жизни остринку, делал будущее заманчивым и непонятным, и тогда казалось, что не сорок лет за плечами, а семнадцать и завтра предстоит тащить билет на счастье. И не очень уж страшно – скорей щекотно,– потому что все билеты хорошо выучены.

Рассматривание вариантов превратилось в самое дорогое занятие Риммы Борисовны. Она отдавалась ему, когда принимала больных, когда простирывала вот так, как сегодня, бельишко, когда стояла в очереди, когда вечером сидела в хвойной ванне, когда, завернувшись в в махровый халат, смотрела передачу «Наши соседи»,– всегда постоянно Римма Борисовна рассматривала варианты: как элегантней разойтись? Не устроить ли небольшой банкет, чтоб все пришли в ярком? Как жить потом? Одной или выйти еще раз замуж? Если замуж, то за кого? Если одной, то что себе позволять? Это были увлекательные размышления, которые имели привычку постоянно застревать и прокручиваться на одном и том же месте. Смешная

ситуация, но никогда они с мужем так хорошо материально не жили раньше, как последние три года. Две хорошие зарплаты шли уже полностью – кредиты были выплачены. Пронафталиненные шубы аккуратно висели в стенном шкафу, в коробках лежали меховые шапки, в них были спрятаны перчатки и теплые кашне. Все было и на зиму, и на лето. В ящике шифоньера разными цветами переливались комбинашки и трусики, все в основном импортные, дорогие. Поэтому если уж расходиться, то надо было с умом. А с умом, – значит, с разделом, а вот это как раз и было непросто. Квартира у них прекрасная, но все-таки двухкомнатная, в лучшем случае получишь полукорку и комнату в коммунальной. Муж категорически заявил, что в коммунальную не поедет... Конечно, был еще вариант – доплатить. Но это было сразу Риммой Борисовной отвергнуто. Деньги были у нее на книжке, поэтому она считала их только своими. Не идиотка же она, чтоб покупать ему квартиру?

Был у Риммы Борисовны еще один вариант – Петр Кириллович, Петя. Держала его Римма Борисовна на коротком поводке – на всякий случай. Но в душе была убеждена, что случая этого не будет. Пете она этого, конечно, не скажет, пусть ждет ее в своей кооперативной квартире у черта на рогах, но ей становилось спокойнее, когда она его вспоминала. Хотя какой он муж? Сорок лет, а все мальчик. Уши да очки. В конце концов, – Римма Борисовна хвалилась своей беспристрастной объективностью, – не потому он не женился, что ее всю жизнь любил, а потому что – кому он нужен? Разве что вот такой, как ее соседка Зоя. Тридцати нет, или даже двадцати пяти, а уже вдова с двумя детишками, как она крутится? Уму непостижимо. Ей бы такого мужа, как Петя. Да только никого у нее нет. У Риммы Борисовны и муж, и сорок лет скоро, а есть человек, который на все ради нее готов! Бедная Зоя! Сорок четвертые размеры носит, как Наташка. Глядеть не на что. Она как-то познакомила их с Петей. Ушла в другую комнату и в зеркало подглядывала, как у них там. Никак! Маленький Петя и маленькая Зоя смотрели сквозь друг друга. Петя все озирался, искал глазами Римму Борисовну, а Зоя на него бросала какие-то даже сочувствующие взгляды. А, между прочим, Римме Борисовне было бы приятно, если бы Петя Зое понравился. Но он никому никогда не нравился. Когда Римма Борисовна думала об этом, она начинала на него злиться. Ну что ходит, ходит? Очки самые маленькие на него

велики. Зато уши на мужчину 56 размера. Шляпа лежит на них, как на подставках. Нет, определенно такой мужчина хорош только для войны. Когда все трещит, все рушится, а рядом с тобой преданный человек с большими ушами. Он будет топить буржуйку, раскалывать на щепки полированный сервант, доставать спирт, чтобы растирать ноги Риммочке, а Наташку будет поить рыбьим жиром. Так представляла себе Римма Борисовна войну. Самое удивительное, что она хорошо ее помнила.. И эвакуацию, и мерзлую картошку, и вонючий подвал, где им выделили комнатку; И не было ни буржуйки, ни полированных на растопку сервантов – топили кизяками, никто никому на ее глазах не растирал ноги (кому? и кто?), про рыбий жир она слыхом не слыхивала, но поди ж ты... Петя рисовался ей возле буржуйки. Она даже как-то искренне засокрушалась, что окна теперь делают без форточек. Куда ж трубу-то выводить?

Вот такие чудные мысли обуревали Римму Борисовну в хвойной ванне. Она сама над собой смеялась, но не осуждала за «военные мысли». В конце концов, войны не будет – это ясно, а если будет – то сразу всем конец. Правильно, что и форточек не делают. К чему? Муж ее приходил поздно: чтоб меньше оставалось времени на выяснение отношений. От него попахивало чуть, но Римма Борисовна знала: пьет только сухое, не больше стакана, и никогда никого не угощает. Так что зарплату приносил полностью, и Римма Борисовна аккуратно относилась часть денег на свою книжку. Ах, как сложно было все решить с мужем, как это люди умеют: раз-раз – и разбежались. Ну можно ли себе это позволить?

Римма Борисовна вешала на теплые трубы в ванной чулки и Наташкины воротнички. Пятнадцать лет девахе, могла бы уже сама все сделать, а все ждет, когда мать возьмется. Чуть вздохнул и запел их новый электрический звонок.

– Иду, иду! – проворковала Римма Борисовна.

«Кто же это может быть? – думала она, по дороге заглядывая в красиво оправленное темным металлом зеркало. Открыла дверь на цепочку и увидела соседку Зою Синцову. Зоя вся улыбалась – прекрасные зубы, белые, плотные, бедная женщина, сколько редких достоинств – талия 58 сантиметров – и пропадает,

* * *

Когда в тот вечер Олег Быков выскочил из троллейбуса и привычно вбежал в ближайшую подворотню, сердце стучало гулко и слегка подташнивало. Он мял в кармане маленький дерматиновый кошелек, пытаясь на ощупь определить, что в нем. На много он не рассчитывал, у таких женщин много и не бывает. Он не удивится, если кошелек набит какими-нибудь бумажками, квитанциями, рецептами. Случалось, накалывался он на такие истории. Сердце по-прежнему стучало гулко, подпрыгивая где-то под кадыком, и противно потела спина. Раньше у него все получалось ловчее и спокойнее. А сейчас стал бояться. А чего было бояться сегодня? У этой дуры телки (неужели его Ольга такая же раззява?) сумочка открылась прямо перед его носом. Он сидел, а мадам висела на перекладине. Он взял кошелек очень спокойно и даже сумочкой потом щелкнул, закрыл. Она посмотрела, сумочка закрыта, и стала пробираться дальше, а он на первой же остановке выскочил. А теперь вот ему надо отдышаться. Если так будет продолжаться, надо будет завязывать. Но Ольга не привыкла на зарплату. Она любит всем рассказывать, что муж ее никакой работой не гнушается, за все берется, у него, мол, зарплата на вычеты идет. В общем, конечно, он ей, кроме двух законных разов, еще минимум четыре раза в месяц приносил деньги. То пять рублей, то сразу двести. Ну, двести, конечно, было всего два раза и давно. В основном лазил Быков по скромным сумочкам, пышно разодетых женщин он боялся, промышлял в основном у среднеимущей интеллигенции. Так ему во всяком случае казалось. Быков считал себя психологом и физиономистом. Была у него и концепция. «Они» – эти самые небогатые интеллигентные дамочки – на косметику, на разные шиньоны-миньоны уйму денег тратят. Это он по своей Ольге знает. Так что пусть эти дуры бабы считать научатся да глядеть глазами, Он, Быков, их этому учит. И долго учить будет, если сердце позволит. Он даже считал, что как вор правее многих других, потому что не крадет на производстве – и не берет лишнего. Сколько раз за кошельки цеплялись браслеты, цепочки, и иногда даже очень ценные, – всегда отцеплял. Даже иногда из-за этого от кошелька отказывался. Но не брал. И документы, если попадались, всегда бросал в почтовый ящик в

конверте. Ему глубоко не понравился фильм «Берегись автомобиля», потому что Быков не любил неправду. А фильм весь – сплошная брехня. Фильм на дурачков. Значит, не для него. Он, Быков, умный, даже мудрый. Его за пять лет никто не поймал. У него с милицией никаких отношений, он участкового в глаза не видел. А преступников, между прочим, ловят... Так что, может, все такие, как он?

Сердце откатилось на свое рабочее место. И правильно, нечего разгуливать в грудной клетке, как на стадионе. Быков подошел к освещенному окну, плотно затянутому полосатой шторой. Стал к нему боком, достал кошелек. «Ну если бумажки...» – подумал. И тут же обрадовался. В кошельке были деньги. Быков вытащил их, определил, что намного больше сотни, может, даже полтора ста, дерматиновый кошелек бросил в решетку люка, деньги аккуратно переложил в свой бумажник. «Похвали меня, Ольга!»

Потом вышел на улицу, сориентировался, как По-пасть в свой район. Быков ни разу не промышлял дважды в одном месте и никогда в своем районе. Все троллейбусные, автобусные, трамвайные маршруты, которые шли мимо дома Быкова, от его налетов были застрахованы. Такова была его профессиональная культура.

– А! Зюечка! Заходите! – Закрывая дверь, чтоб снять цепочку, Римма Борисовна думала о том, зачем пришла Зоя и что держит она на руке.

– Знаете, я к вам с чем. У нас на работе одна женщина плащ продает. Купила дочери, а он ей мал. Я как увидела, Наташку вашу вспомнила, решила вам показать. Вдруг подойдет? – Зоя даже не передохнула.

Римма Борисовна удивленно подняла брови. Два раза Зоя приходила, чтоб позвонить: вызывала врача, когда кто-то из ее мальчишек заболел. Раз или два прибежала за спичками. Один раз просила Римму Борисовну – вот тогда она и познакомила ее с Петей – принять одну знакомую, боялась будто бы та идти к незнакомому гинекологу. И Римма Борисовна вежливо и популярно объяснила тогда Зое, что никогда в жизни вот такими приемами по договоренности не занималась. Пусть идет ее знакомая к своему участковому врачу – они все знают одинаково. И вообще лечить надо, не зная человека. Видишь только болезнь, и ничто другое не наслаивается. Зоя тогда извинилась, но Римма Борисовна видела: не обиделась.

– Я ведь не знаю,– сказала она,– как лучше. Может, и правда пусть идет, как все, в конце концов чего уж она так боится? Я просто дура, что проговорила, что живу рядом с вами.

– Ну вот знайте теперь,– сказала тогда Римма Борисовна.– Я против всяких таких просьб.

Римма Борисовна вспомнила все это мигом, пока Зоя разворачивала дешевенький такой плащик с золотыми пуговичками. «Чего вдруг она вспомнила о Наташке? Непонятно!»

– Да, в общем, Наталье он вроде и не к чему,– сказала Римма Борисовна.– Я ей к весне хотела плащ сшить, у меня есть хорошая импортная ткань. Даже макси может получиться...

– Ну зря, Римма Борисовна, поверьте. Плащик скромный, как раз для школы, а макси, может, и рано?

Римма Борисовна могла купить этот плащ, он ей понравился, и разговор о макси возник на всякий случай – Римма Борисовна собиралась шить плащ себе. Но ей не давала покоя мысль, с чего это вдруг торгует у нее в квартире Зоя Синцова? С какой радости такая предусмотрительность? «Что ей от меня нужно?» Неужели бедная вдовушка попала? Неужели она допускает мысль, что будет ей Римма Борисовна устраивать дела вот за этот плащик? Пусть делает аборт в общем порядке. Кого теперь этим удивишь? Очередь, как в театр.

– Спасибо, Зоенька, за хлопоты, за заботу, но я уж пошью Наташке к весне макси... Ей ведь шестнадцать будет. Барышня!

Римма Борисовна сделала шаг к двери. Мельком бросила взгляд в зеркало, увидела странное какое-то лицо Зои – все-таки правильно она догадалась,– повернулась к ней с улыбкой.

– А себе вы плащ, Зоя, не мерили? Вы ведь маленькая, изящная, он как раз на вас.

– Да нет, что вы! – Зоя заторопилась, свернула плащ, как-то небрежно-неловко – а вещь-то чужая, подумала Римма Борисовна,– и направилась к двери.

– А вы померяйте все-таки, Зоя, вот же зеркало! – Римме Борисовне история стала доставлять удовольствие. Вот будет смешная история, если она сговорит Зою купить этот плащ. В конце концов люди все алчные, вот посмотреть, сколько Зоя сумеет продержаться, не поддастся соблазну.– Ну, прошу вас, Зоя, оденьте плащ ради меня.–

Как она неизящно одевается. Голову вниз пригнула, далеко вверх и в сторону отставила рукав, проталкивает руку, будто она у нее деревянная.

– Чудно, Зоя, чудно! Как на вас шито. И не морочьте голову, берите себе. Одеваться надо хорошо. Ваша болоньичка совсем, по моему, из строя вышла?

– Да у меня и денег, Римма Борисовна, нет, чтоб брать его. Он же шестьдесят пять рублей стоит.

– Выручить? – Римма Борисовна ласково смотрит на Зою. Ах, как оживилась молодая вдова! Вот-вот, пришла с какой-то тайной целью, исхитрялась тут по-глупому, а возникла возможность приобрести тряпку – вся засветилась.

– Ну разве что! – хрипло как-то говорит Зоя. – На какой срок вы мне деньги дадите?

– На какой хочешь! На месяц? Два? Три? Римма Борисовна выносит сумочку. Достает из нее три бумажки по 25 рублей.

– Других купюр нету. Отдадите, когда сможете. Только целиком, частями не надо. Мелкие деньги легче проваливаются.

Она ждет самой горячей благодарности. В конце концов она ее и заслужила. Не каждый решается дать в долг такой малоимущей, как Зоя. Но надо – надо! – помогать людям. Пусть себе носит на здоровье. Она медленно открывает дверь, выпускает молчащую Зою. Как она сжала деньги в кулаке! Плебейская, кстати, привычка. Но спасибо из нее, пожалуй, не выдавишь. Впрочем, если у нее разные женские неприятности, то ее простить можно.

– Носите, Зоенька, на здоровье!

* * *

Тамара деревянной ложкой положила кашу на тарелку, подвинула дочери.

– Ешь!

Сама села на низкую табуреточку, прижалась спиной к горячим округлым ребрам батареи. Прямо из ковшичка той же деревянной ложкой стала есть. Неудобно, рот приходится открывать широко, и Тамара с отвращением смотрит на себя, со стороны. Тяжелая, с

отежшими ногами, вставленными в эти чертовы, космических размеров тапки, с ковшиком на широком колене.

– Тьфу ты, зараза! —Ругается она.— Ириша, принеси мне из кухни чайную ложку.

Девочка у нее тихая, послушная. Вечерами сидит в комнате, в коридор старается не выходить, ее обижает Вовка. Сейчас только орали, да Зойка затолкала их в комнату. Правильно сделала. За целый день этого крика наслышишься, вечером уже нет сил. Что-то Зойка темнит с деньгами. Наплела что-то насчет кассира. Да в этот день все с утра следят за бухгалтерией, последние гривенники разменяны. Ни за что она не поверит, что так вот все ждали, ждали, а потом выяснили, что кассир заболел. А кассир сам что —не человек? Он тоже живет от зарплаты до зарплаты. Он бы умирал, а в банк бы ходил. Тамара по себе знает: никогда она в день зарплаты не болеет. И не из жадности, из необходимости. Суровый закон жизни. Нет, Зойка определенно что-то наплела. И эта новость – «я тебе принесу завтра на работу!». Ничего себе концы. Одна в Черемушках, другая в Останкине. И что за манера – брехать. Ну скажи честно, по-русски. Может, дала кому перехватить, может, что купила; ну украли у тебя деньги – скажи, Нет! Наплетет, наплетет, а правды не узнаешь. Ну пусть-пусть привезет завтра деньги, посмотрит она на нее. Но уж отговаривать ее не привозить она не будет. Нет благодетелей на этом свете, все вышли.

Иришка съела кашу. Отошла к своей кроватке, раздевается. Ой, повезло ей с девчонкой. Просто золотая она у нее. Тамара даже не представляет, что было бы, если б дите было капризным, нервным. Тамара вспоминает, что сама в детстве была тоже спокойная, ласковая. Куда потом все делось? Когда она стала такая грубая? Она же знает, что родители из-за этого в садике ею недовольны. Наверное, зря. Она детей любит и с ними всегда по-хорошему, а вот пап и мам, тут уж никуда не денешься, терпеть не может. Тех, кто рано забирает, Тамара не любит за то, что не уверена, что детишкам дома будет лучше, забирают в три часа, а что делать с ребенком, не знают. Чего тогда изображать любовь? «Сю-сю-сю! Сю-сю-сю!» И ничего больше! Не любила Тамара и тех, кто приходил поздно. «Совсем бы тогда не приходил»,– шумела. А потом злилась, что вступает в конфликты, в которых всегда выглядит неправой. Тут уж или молчать надо, как Зойка, или идти до конца и рубиться до первой крови. Но за что

рубиться? И с кем? Вот порубилась с мужем. Не поделила его с дружками. Так и сказала: «Или ты холостой, или ты женатый».

– Женатый,— сказал он. И полез обниматься.

– Тогда не ходи вечером к ним.

– Ну раз в неделю,— просил он.

– Или – или,— сказала.

– Тогда холостой,— сказал он и ушел.

Ну разве ж это причина, чтоб расходиться? А он ушел вроде в шутку, так во всяком случае Тамара думала, и не пришел. День, другой, третий. А самое смешное, что потом женился. И носится со своей женой, аж смотреть противно, и из дому ни ногой. Дочь у него вторая только можайским молоком поена, а Иришку так с тех пор и не видел. Как и дружков. Они Тамару встречают, рассказывают. Так что это? Как называется? Разве Зойке не легче? Знает, что похоронила своего, и все! А тут живой, довольный, а тебя вроде никогда не было. Иришка смотрит на мать, Ласково так, как взрослая, понимающе. Смотрит и стаскивает старательно с себя колготки. Тамара кинулась к ней, прижала худенькую, голенькую, тыкалась большим лицом в мягкий Иришкин живот, чувствовала, как выходит из нее вся дневная усталость, все накопленное раздражение, какими легкими становятся ее отекающие ноги. Иришка гладила жесткий, свалявшийся за день материнский начес: «Ах ты, моя мамочка! Ах ты, моя птиченька!» – «Птиченька!» – счастливо смеялась Тамара. – «С тонну . весом». – «Птиченька», – ласково шептала Иришка.

Тамара легко выпрямилась.

Убрала в комнате, смахнула с телевизора пыль—. на нем всегда виднее всего, поставила в ковшик Иришину тарелку, выключила большой свет, включила бра возле своего дивана и весело направилась в кухню. Зои не было. И в комнате у нее было тихо. Что она сегодня, и чайник не включала? Пусть она кому-нибудь другому расскажет, что у нее ничего не случилось. И вдруг вздрогнула. Открылась входная дверь. Господи, кто ж это ее не закрыл? Вот это да! Вошла Зойка, лица на ней нет. Плащ свой новый скомкала, в руках деньги держит так, что не поймешь, то ли у нее их отнимали, то ли она сама у кого отняла.

– Откуда это ты, мать? – Тамара спросила это тем своим старым дозамужним голосом, который был ;у неё' —у самой доброй, самой

отзывчивой девчонки из педучилища. Она уж и не верила, что может так говорить.

И Зоя не поверила, смотрит на нее, будто старается что-то вспомнить, Ага! Вот вспомнила! И не успела она еще ничего сказать, как Тамара почувствовала, что Зойка сейчас соврет.

– Да! – вдруг ни к селу ни к городу ослепительно улыбнулась Зоя.– Я подумала, что вдруг завтра не смогу привезти тебе деньги,– сама понимаешь, концы какие. Так я взяла у Риммы Борисовны, чтобы тебе отдать сразу.– И Зоя протянула Тамаре деньги.

На ладони ее лежали три бумажки по двадцать пять рублей. Ой, брехуха, уму непостижимо! Ведь она ей должна всего тридцать рублей, а взяла семьдесят пять.

– А где ж я тебе сдачу возьму с полсотни,– говорит Тамара,– у меня всего три рубля до получки осталось.

– Ну возьми пятьдесят, разменяешь завтра на почте, отдашь.

Тамара недоверчиво взяла две бумажки. Руки у Зойки горячие, как угли, вроде у нее температура сорок.

– А плащ чего носила? – спросила Тамара, глядя прямо в Зойкины глаза.

– Римма Борисовна примеряла Наташке, хочет ей такой же купить, в «Людмиле», говорит, есть.

Глаза у Зойки как зеркало. Окно в них кухонное видно, Тамарина настенная полочка, даже ключ на газовой трубе в Зойкином глазе – как соринка. И сама Тамара в зрачке – как в автомобильной фаре. Широкоскулая, носастая, с начесным колтуном на голове...

– Ладно,– сказала Тамара.– Беру, только ты плащ-то не мни, он же у тебя еще новый.

И она пошла в комнату. Конечно, хорошо, что деньги получила, но вот у Зойки что-то произошло, шарф ей предлагала, к этой гинекологше с плащом бегала, Ну надо им померить – придите. Тоже мне барыня... Нет, это все не так., Торговать Зойка носила плащик. Да, видать, ре взяли. Будут они мелочиться. Эта кукла Римма, чтоб ей счастья не видать, их за людей не считает. Тамара ходит в консультацию, где она работает, каждый месяц на комиссию. У них такой порядок. Так Римма эта самая проходила мимо нее, как мимо стенки. А на черта ты нужна? Тамара к ней в кресло ни за какие деньги не сядет. Лучше подохнет... Но она все-таки дала Зойке деньги? И

Зойка вернулась от нее со стеклянными глазами, а руки горячие, как у тифозной... Но разве ж от нее правды дождешься?

* * *

Уже через час Олег Быков сидел за белым блестящим столом – недавно купили кухню,– и Ольга наливала ему в тарелку уху из консервов «Уха камчатская». Она посыпала укропом и петрушкой дымящуюся поверхность, слегка потрясла деревянной перечницей и подвинула Быкову.

– Знаешь,– сказала Ольга,– я сегодня кассу уступила Зойке Синцовой. Той, у которой мужа током убило. Да я тебе рассказывала...

– Ну...– ответил Быков, старательно дуя на ложку,

– Она так просила, так просила. Конечно, планы это мои нарушило, но помочь ведь человеку надо...

Быков глотнул ароматную, перченую жидкость, подумал о том, как обрадуется Ольга его «левому заработку». Это л<е надо, живут люди в зависимости от какой-то черной дурацкой кассы. Разве б он, Быков, смог жить, если б ему пришлось где-то перехватывать, просить рубль «на выпить?».

– Вот так, Алик, осталась я без черной кассы, значит,– продолжала сокрушаться Ольга.

– Ну, ладно, не дрейфь,– сказал Быков. Он оторвался от ухи, очень это было приятно – отдавать жене деньги,– полез в бумажник. Деньги еще не успели выпрямиться. Они хранили форму маленького дерматинового кошелечка, который, провалившись в решетку, плыл где-то в таинственных подмосковных водах.– На,– сказал Быков.– Я тут одному профессору работку сработал.

Ему нравилось придумывать для Ольги профессора. Или плести насчет какого-то очень ответственного заказа, который он выполняет, когда все уходят из института. В такие минуты Быков сам верил в профессора, интеллигентного старичка, который говорит ему: «Благодарю вас, молодой человек!», и в спецзаказ. Как-то Ольга спросила, не делают ли они что для космоса. Быков загадочно улыбнулся:

– Будущее, Олюшка, за пластиком. Мы его начинаем осваивать.

Вот сейчас он сказал про профессора так небрежно, а сам видел, как помягчели, подобрели глаза жены.

– Ой! – воскликнула Ольга.– Аленька, золотце! Это ж надо так кстати!

Она бережно взяла деньги, прижала их к груди и засмеялась.

– Не поверишь, я точно такими вот десятками отдала кассу Зойке. Уж она меня благодарила, уж благодарила. В кошелечек положила, а вся аж светится...

Быков плотал горячую уху, а Ольга побежала прятать деньги.

...На широком диване лежала Тамара, она плотно задвинула шторы и слушала, как дышит Иришка.

...Римма Борисовна читала в постели. На другой кровати лежал муж, и от него слегка пахло вином. Он смотрел «Вечерку». Римма Борисовна сладко потянулась под теплым одеялом, легко нажала кнопку своего бра. Запрыгали на потолке блики, заметались. Римма Борисовна вспомнила, как она дала Зое Синцовой семьдесят пять рублей займа, восхитилась своей добротой и уснула.

...Зоя не спала. Она уже знала, что расплатится! Как это ни странно, сейчас она уже не думала о деньгах, и мысли у нее были другие, неожиданные и ясные. Такое ощущение было однажды, в детстве, когда прорвался долго болевший флюс. Она отплевывала в раковину омерзительную кровящую жижу и вдруг почувствовала: ей стало хорошо и спокойно. Она помнит, как элементарно просто решила тогда задачка по арифметике и как легло в память сразу, без повторений, длинное, казавшееся нескладным стихотворение. Вот и сейчас то же самое – она как отплевывала свою беду. Точка. Наконец-то! Как же так она жила до сих пор, вся загипнотизированная своим невезением? Вся ее жизнь – тема для обсуждения, осуждения и жалкого сочувствия. Да как они смеют! Вспомнилось самодовольное, блестящее от питательного крема лицо Риммы Борисовны, Как противно, на полусогнутых, она, Зоя, шла к ней сегодня. К этой индюшке с дверным колокольчиком. А этот мужик, что носом терся в троллейбусе возле ее сумочки.

Глаза бегают, потому что она, женщина, висит на перекладине, сумка только что не в зубах, а он камнем сидит... Она на него так посмотрела, что он глаза отвел, рванулся к выходу... Рванулся к

выходу? Ах, вот оно что! Зоя чуть не задохнулась от открытия. Это несчастье ее рванулось к выходу.;. Гад ты, гад паршивый...

Зоя, никогда не видевшая Быкова в семье, дома, неожиданно прозорливо представила, как он дует на ложку, как вертится возле него клуша-жена, как приходят: они ее, Зоины, деньги. Интересно, на что? Как он рванулся к выходу, надо было схватить его за пиджак и сумкой по щекам, по щекам... Зоя вздохнула от такого ярко представленного ощущения, И успокоилась. Она как переплыла на другой берег, где нет таких подонков, а если есть, то они ее, Зою, обойдут за пять километров, потому что ее теперь не обманешь. Все. Точка! Пусть спрячет навсегда в кремовую маску свое сочувствие Римма Борисовна. Навсегда. Она вернет ей деньги, и все. И никогда больше ноги ее там не будет. И не будет она исходить ругней, криком, как Тамара. Она отломилась от них от всех. Она теперь сама по себе. Черта с два допустит она в завтра свою вчерашнюю невезучесть. Завтра все будет иначе...

Зоя не заметила, как уснула, а во сне летела на самолете. Самолет раскачивался на облаках, и это было невыразимо прекрасно, и небо было синим, синим, и жизнь была бесконечной и доброй, и было много сил, что даже смеяться хотелось от их избытка. И Зоя смеялась во сне.

1975

notes

Notes

Содержание

[Галина Щербакова](#)

[Вечер был...](#)

[Notes](#)